

Посвящается клубу «Карр»

Глава 1

LASCIVA PUELLA*

Директор школы вздохнул. Вздох получился удрученнным и даже жалким, но сдержаться ему не удалось. Он извинился.

— Жара... — Директор вяло махнул рукой в сторону окна, за которым под ярким солнцем раскинулась просторная лужайка. — Все из-за жары.

Это объяснение вполне могло сойти за правду. В самом деле, день выдался знойным, почти тропическим, и в темном кабинете с высокими потолками, где тяжелые шторы были наполовину опущены, чтобы избежать выгорания дерева и тканей, стояла тягостная духота. Но голос директора прозвучал неубедительно, и его посетительница поняла, что это отговорка.

— Простите, что отнимаю у вас время, — затараторила она. — Разумеется, вы должны быть очень заняты подготовкой к актовому дню. К сожалению, у меня нет выбора. Родители настоятельно требуют провести исследование.

Директор мрачно кивнул. Это был невысокий щуплый мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый, с острым носом, гладко прилизанными черными волосами и обманчивым выражением рассеянности и добродушия на лице.

---

* Соблазнительная малышка (исп.). — Здесь и далее примеч. пер.

— Ну да, родители, — пробормотал он. — Разумеется. Вечно их пустые тревоги, на которые приходится тратить столько времени...

— В данном случае, — возразила посетительница, не желая уходить от темы разговора, — кое-что действительно произошло.

Директор уныло взглянул на нее из-за стола. Безудержная энергия мисс Пэрри действовала на него угнетающе. Его немного пугали все эти самоуверенные, прямолинейные и неутомимые женщины средних лет, с одинаковым успехом проявлявшие себя в организации благотворительных ярмарок, посещении бедных и больных, разбивке приусадебных садов или обучении прислуги. По каким-то причинам, в которые он не вдавался, мисс Пэрри сошла с этой орбиты, но вокруг нее продолжала царить атмосфера кипучей деятельности; и директор не сомневался, что ее высокая должность в Кэстривенфордской школе для девочек скорее укрепила, чем развеяла этот дух. Он стал набивать свою трубку.

— Неужели? — уклончиво произнес он.

— Информация, доктор Стэнфорд. Мне нужна информация.

— Вот как? — Директор вытащил из трубки табачный стебелек и снова кивнул, на сей раз твердо и уверенно. — Позвольте, я закурю?

— Я и сама не откажусь.

Мисс Пэрри вежливо, но решительно отклонила предложенные ей сигареты и достала из сумочки портсигар.

— Предпочитаю американские сорта, — объяснила она. — В них меньше химии.

Директор чиркнул спичкой и поднес огонь к сигарете.

— Наверное, будет лучше, — заметил он, — если для начала вы изложите мне все обстоятельства дела.

Мисс Пэрри выпустила длинную струю дыма с таким видом, будто это был сильный яд, от которого она хотела скорее избавиться.

— Полагаю, вы догадываетесь, — сказала она, — речь пойдет о постановке пьесы.

Услышав ее слова, директор решил, что, возможно, все не так плохо, как он думал. На протяжении многих лет Кэстривенфордская школа для девочек и Кэстривенфордская школа для мальчиков совместно разыгрывали пьесу для актового дня. Эта старая традиция создавала для обоих учреждений множество проблем, смягчавшихся отчасти тем, что все они были хорошо известны и легко предсказуемы. Главным образом проблема сводилась к тому, что ученики и ученицы норовили украдкой обниматься за кулисами, и для подобных случаев у руководства были предусмотрены соответствующие меры, отработанные почти до автоматизма.

Директор немного повеселел:

— Значит, эта девочка играет в пьесе? В последнее время я почти не следил за постановкой. Кажется, будут давать «Генриха V»?

— Да. Не самый лучший выбор, как считают мои девочки. Мало женских ролей.

— Уверен, мальчики расстроены не меньше.

Мисс Пэрри рассмеялась, но тут же замолчала, словно давая понять, что никакие шутки — как бы они ни были полезны для беседы — не должны отвлекать их от серьезной темы.

— В общем, сплошное разочарование, — отозвалась она. — Девочка, о которой я говорю, играет роль Екатерины. Ее зовут Брэнда Бойс.

Директор сдвинул брови и поднес вторую спичку к своей трубке.

— Бойсы? Кажется, они из местных? Пару лет назад к нам поступил мальчик с такой фамилией. Насколько я помню, он из светской семьи.

— Скорее всего, это ее брат. Слово «светский» характеризует их семью. Богатые родители, вечеринки с коктейлями...

— Да, я их помню. — Директор аккуратно положил использованную спичку в серебряную пепельницу в форме слона. — Приятные люди... Впрочем, это не имеет отношения к делу.

— Почему же, родители как раз имеют. — Мисс Пэрри откинулась в кресле и решительно скрестила крепкие ноги. — Дело в том, что их искушенность в современной жизни позволяет, так сказать, исключить некоторые варианты. Брэнда, как легко догадаться, довольно бойкая девица — кстати, ей уже шестнадцать, и это ее выпускной класс, — причем миленькая. Вряд ли ее могут смутить какие-либо проявления... юношеского эротизма. — И мисс Пэрри взглянула на собеседника с подчеркнутой серьезностью.

— Продолжайте, — попросил директор.

Он знал, что мисс Пэрри не нуждается в подбадривании, но вежливость требовала заполнить образовавшуюся паузу.

— Как вы уже знаете, — произнесла мисс Пэрри, — вчера вечером состоялась репетиция «Генриха V». Когда в половине десятого Брэнда вернулась домой, ее поведение, по словам родителей, было необычным.

— То есть?

— Взвинченным. Нервным. Испуганным.

Было слышно, как секретарша в соседней комнатке печатает на машинке, а на окне сонно жужжат мухи.

— Разумеется, — продолжила мисс Пэрри, — родители спросили у нее, что произошло. Но Брэнда ничего не ответила — как и мне, когда я беседовала с ней сегодня утром.

— Родители вам позвонили?

— Да. Они обеспокоены — а это плохой признак, доктор Стэнфорд. Какую бы жизнь ни вели эти люди, они не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков.

— Что сказала вам девушка?

— Уверяла, будто родители все придумали и говорить не о чем. Но я заметила, что ей по-прежнему не по себе, и убедилась, что она лжет. Иначе я не стала бы вас беспокоить.

Директор задумался, машинально обводя взглядом знакомую обстановку комнаты: густо-синий обюссонский ковер, репродукции Констебля и Коро на стенах, мягкие кожаные кресла и просторный стол, за которым он сидел. Помолчав немного, он промолвил:

— Вы правы, семья в данном случае важна. Значит, вы считаете, что, если кто-то стал приставать к этой юной леди...

Он запнулся, и мисс Пэрри закончила за него:

— Это бы ее несколько не смутило. Боюсь, наоборот, скорее понравилось бы.

— Вот как? — Директор пытался осмыслить этот пример женской эмансипации. — То есть вы полагаете, что произошло нечто более серьезное?

Мисс Пэрри кивнула:

— Похоже, что так.

Директор посмотрел на нее с сомнением. Они уже и раньше обсуждали темы секса, но всегда неопределенно и в общих чертах, а теперь требовалась грубая прямолинейность.

— Сокращение? — предположил он.

— Да, я уже об этом думала, — кивнула она, но тут же сделала нетерпеливый жест. — Хотя мне кажется, дело не в этом. Вы позволите говорить откровенно?

— Естественно.

Мисс Пэрри улыбнулась нервной и натянутой улыбкой, не вязавшейся с ее обычной прямоотой, и для директора это стало своего рода откровением. Он вдруг осознал, что прежде она избегала скользкой темы не из ханжества или напускной жеманности, а из-за строгих представлений о приличиях, которые теперь ей приходилось нарушать. Это вызвало в нем уважение и симпатию, и он улыбнулся.

— Есть две возможности, — продолжила мисс Пэрри. — Изнасилование, которому она не могла помешать; или сокращение, о котором она позднее пожалела. Понимаю, что говорить в таком тоне о шестнадцатилетней девушке не совсем корректно, но... боюсь, у нас нет выхода. Если допустить изнасилование, мне трудно представить, чтобы кто-нибудь из ваших мальчиков...

— Вы правы, — кивнул директор. — Я не знаю ни одного, кто осмелился бы на подобный поступок.

— Что касается сокращения, то, во-первых, Бренда — неглупая и вполне самостоятельная девочка, которая может позаботиться о себе. А во-вторых...

— Да?

— Сегодня утром я прямо спросила, не случилось ли с ней что-нибудь такого. Ее единственной реакцией было удивление — по-моему, искреннее.

— Рад слышать. — Директор вынул из нагрудного кармана носовой платок и вытер взмокший лоб. — В таком случае я не понимаю, что могло так расстроить девушку и почему она не хочет об этом говорить?

Мисс Пэрри пожала плечами.

— Я тоже. Ясно, что секс тут ни при чем, а строить какие-то другие версии можно лишь на конкретных фактах.

— Так чем я могу вам помочь?

— Единственное, чего я хочу, — удостовериться, что во время репетиции или непосредственно перед ней не случилось ничего необычного.

— Что ж, это не так уж трудно. Я поговорю с Матисоном, постановщиком пьесы... и если хотите, мы сделаем это прямо сейчас. Он должен находиться в преподавательской, я могу его вызвать.

— Срочность ни к чему. — Мисс Пэрри встала и погасила сигарету. — Вероятно, вся эта история — легкое недоразумение. Если вы позвоните мне позднее...

— Разумеется. — Директор тоже поднялся и указал на статуэтку Афродиты, стоящую на столике из розового дерева. — Я очень рад, — добавил он, — что эта дама тут ни при чем. Обычно, когда у нас возникают проблемы с постановкой пьесы, можно с уверенностью сказать, что они связаны именно с ней.

Мисс Пэрри улыбнулась:

— Платоновские половинки...

— Платоновские половинки следует держать подальше друг от друга, пока они не закончат школу. В конце концов, принудительное воздержание только обостряет чувства. — Он спохватился, вспомнив про долг гостеприимства: — Хотите остаться на обед?

— Нет, спасибо. Я должна вернуться до окончания утренних занятий.

— Жаль. Но вы придете... завтра на церемонию?

— Конечно. Кто будет вручать награды?

— Мы ждали лорда Уошбертона, — ответил директор, — но в последний момент он заболел, и мне при-

шлось заменить его одним своим знакомым, профессором английского из Оксфорда. Интересный человек — честно говоря, я боюсь, что даже слишком интересный. Сомневаюсь, что он впишется в рамки того светского лицемерия, которое требуется в подобных случаях.

— Я останусь послушать речи. Вы знаете, что обычно я избегаю их.

— Хотел бы я сказать то же самое о себе, — вздохнул директор. — Не только в этом случае, но и вообще... Хотя все эти мелкие неприятности оправдывают мои три тысячи фунтов в год.

Он проводил мисс Пэрри и вернулся к своей корреспонденции, разложенной на столе. Миссис Бродриб подробно рассказывала о результатах экзаменов в Школе Генри — предмет, о котором сам директор имел довольно смутные представления. Сообщалось, что в ближайшие две недели состоится съезд школьных директоров. Кто-то предлагал учредить премию за лучшее эссе года на тему «Будущее Британской империи»... Директор застонал. Премий у них и так хватало. Учащиеся тратили уйму времени на то, чтобы выиграть конкурсы, а преподаватели — чтобы их организовать. Увы, за этим предложением стоял солидный спонсор, и с его мнением необходимо было считаться. Оставалось надеяться, что, проявив должный такт, ему удастся уговорить щедрого благотворителя самому читать все эти эссе и самому же награждать.

Директор бегло просмотрел оставшиеся письма и отложил их в сторону. История про *lasciva puella* вызвала в нем любопытство, и он решил, что, поскольку ему все равно придется заниматься этим делом, незачем откладывать его в долгий ящик. Директор подошел к металлическому шкафчику с картотекой и просмотрел его

содержимое: судя по документам, в настоящий момент Матисон преподавал английский в пятом классе. Директор взял свою мантию и шапочку и, сунув их под мышку, направился к двери.

Любовь
покоится в крови

Глава 2

СВИДАНИЕ КАК УЛИКА

— «Я теперь, — продекламировал Симблфилд, робкий прыщеватый коротышка, строки Вордсворта, — не так природу вижу, как порой бездумной юности, но часто слышу чуть слышную мелодию людскую, печальную, без грубости, но в силах смирять и подчинять»*.

Ученик замолчал, и на его непривлекательной физиономии появилось выражение удовлетворения. По мнению Симблфилда, высший класс в изучении поэзии заключался в том, чтобы суметь процитировать выбранный отрывок, не пропустив ни единого слова; и этой цели он добился. Правда, у него возникли подозрения, что за пределами этой нехитрой задачи существуют еще какие-то тонкости, связанные с интерпретацией прочитанных строк, но, упоенный своим успехом, он не обратил на них внимания.

В тишине, наступившей после его унылого речитатива, стало слышно, как в соседней комнате мистер Харгрейв, самый строгий из учителей школы, обрушивает на своих подопечных безжалостную латынь. Симблфилд выжидающе уставился на мистера Матисона, который молча сидел на стуле, сложив руки на коленях, и смотрел в окно. Поскольку Симблфилд был

---

* Перевод В. Рогова.

исключительно глупым и наивным юношей, то решил, будто мистер Матисон не находит слов, чтобы оценить его замечательное выступление. Однако его предположение было ошибочным. Мистер Матисон просто задремал и не слышал, что Симблфилд закончил декламацию. Это был грузный мужчина средних лет, неопрятный и неуклюжий, в мешковатых серых брюках и старом пиджаке с кожаными вставками на локтях.

Поднявшееся вокруг шушуканье заставило его очнуться от грез и вернуться к суровой реальности урока. Классная комната представляла собой просторное помещение с высокими стенами, нижняя часть которых была щедро разрисована чернилами. Учительский стол, старомодный и монументальный, возвышался на постаменте возле выщербленной доски. На стенах висели тусклые и расплывчатые картины с пасторальными и классическими сюжетами. Все покрывал толстый слой меловой пыли. Десятка два учеников, сидевших за расшатанными столиками, старались воспользоваться короткой передышкой, убивая время самыми бессмысленными способами.

Матисон заметил, что Симблфилд больше не двигает языком, а смотрит на него с самодовольным видом.

— Симблфилд, — произнес Матисон, — вы хоть поняли, о чем это стихотворение?

— Сэр... — в замешательстве пробормотал ученик.

— Как мы относимся к природе «порой бездумной юности», Симблфилд? Мне кажется, вы как раз тот самый человек, кто может ответить на данный вопрос.

В классе раздались смешки.

— Тупица Симблфилд, — шепнул кто-то.

— Итак, Симблфилд? Я жду ответа.

— Простите, сэр, я не знаю, сэр...

— Но вы должны это знать. Подумайте, мой юный друг. Вы не слишком обращаете внимание на природу, верно?

— О, да, сэр.

— Вы вообще ее не замечаете. Для вас она не более чем фон, обрамляющий вашу собственную личность.

— Да, да, я понимаю, сэр, — поспешил согласиться Симблфилд.

— Боюсь, что нет. Хотя кто-то в этом классе, возможно, понимает.

Ученики сразу оживились. Послышались возгласы: «Я понимаю, сэр!» «Только такие олухи, как Симблфилд, могут этого не понять». «Это как, например, вы идете на прогулку, но не замечаете деревьев». «Сэр, а зачем нам нужно читать Вордсворта?»

— Тихо! — грозно воскликнул мистер Матисон. Ученики замолчали. — Короче говоря, именно так Вордсворт отказывается воспринимать природу.

— Вордсворт — старый козел, — раздался шепоток.

Мистер Матисон, нахмутив брови, мрачно окинул взглядом комнату, но, решив, что не следует обращать внимания на наглеца, продолжил:

— Иными словами, для Вордсворта природа — нечто большее, чем просто фон.

— Сэр!

— Да?

— А правда, что Вордсворту чуть не отрубили голову во время Французской революции?

— Нет, он побывал во Франции уже после революции. Так вот, как я сказал...

— Сэр, почему во Франции отрубают голову, а в Англии — вешают?

— А в Америке — сажают на электрический стул?

— А в России — расстреливают?

Ученики дружно загалдели. «В России не расстреливают, болван, а рубят голову топором!» «Сэр, это правда, что когда человека вешают, у него после смерти еще долго бьется сердце?» «Ну ты и осел, Бэгшоу». «Что за чепуха: как человек может быть мертв, если у него бьется сердце?»

Матисон ударил кулаком по столу:

— Еще одно слово, и я сообщу о вашем поведении заведующему пансионом!

В классе мгновенно воцарилась тишина — это было безотказное средство, когда следовало установить порядок. В Кэстривенфорде попасть на заметку заведующему пансионом считалось серьезным проступком.

— Превосходно, — произнес мистер Матисон, — а теперь вернемся к нашей теме. Симблфилд, что, по-вашему, имел в виду Вордсворт, говоря про «мелодию людскую, печальную, без грубости»?

— О, сэр... — Это испытание было явно непосильно для его скромного ума. — Я думаю, он имел в виду... если мы возьмем, например, гору, или птицу, или что-нибудь такое...

К счастью для Симблфилда, пытавшегося сказать хоть что-то вразумительное при полном молчании остального класса, продолжать ему не пришлось: именно в этот момент в комнату вошел директор. Ученики торопливо вскочили с места, загремев стульями и хлопнув крышками столов. Директор редко появлялся в классе во время урока, и они терялись в догадках, какое из их недавних прегрешений могло послужить причиной столь неожиданного визита.

— Садитесь, джентльмены, — благожелательно промолвил директор. — Мистер Матисон, можете уделить мне пару минут?

— Конечно, господин директор, — ответил тот и повернулся к ученикам: — Продолжайте читать, пока я не вернусь.

Они вышли в коридор. Это было пустое и гулкое помещение с неровным полом, к тому же довольно плохо освещенное. Изначально учебный корпус строился для других целей, и когда-то в нем располагалась психиатрическая лечебница — факт, на котором не одно поколение учеников оттачивало остроумие. Зато по сравнению с классными комнатами в нем царила приятная прохлада.

— «*Aequam memento rebus in arduis servare mentem*»*, — бубнил мистер Харгрэйв в соседней комнате, — вовсе не означает «Не забывай держать месячный запас воды для сухих дорог», и только такой болван как вы, Хьюит, мог предположить, будто Гораций сочинил столь идиотский стих.

— Как прошла вчерашняя репетиция, Матисон? — спросил директор.

— Неплохо, господин директор. Думаю, у нас получится хороший спектакль.

— Никаких недоразумений и проблем?

— Нет. Вроде все в порядке.

— Ясно.

Директор помолчал, прислушиваясь к тому, что происходило в классе: шум голосов там то накатывал как волна, достигая полного крещендо, то вдруг обрывался после чьего-то испуганного окрика, призывавшего к тишине. Он прижал указательный палец к нижней губе.

— Та девочка, которая исполняет роль Екатерины, — произнес он. — Что вы о ней думаете?

* Старайся сохранить присутствие духа и в затруднительных обстоятельствах (*лат.*). — Гораций. Оды, II, 3.

— Хорошая актриса, — ответил Матисон.

— Я не в этом смысле. Что вы думаете о ней?

Преподаватель замялся:

— Честно говоря, господин директор, мне она кажется весьма привлекательной особой.

— Что ж, спасибо за откровенность. Дело в том, что вчера вечером она вернулась домой крайне взволнованной, и мы не можем понять, что с ней произошло.

— Во время репетиции она выглядела спокойной, — заметил Матисон. — Разве что очень жизнерадостной.

— Прекрасно. Рад это слышать. В какой-то степени это снимает с нас ответственность... А вы не в курсе, есть ли у нее... отношения с кем-нибудь из мальчиков?

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что с Уильямсом.

— С Уильямсом? Каким? У нас полно Уильямсов.

— С Дж. Х. Уильямсом, господин директор. Из старшего класса. Он играет Генриха.

— Ах, да, конечно. Пожалуй, мне надо с ним побеседовать. Кстати, генеральная репетиция состоится сегодня вечером?

— Да, сэр.

— Я постараюсь прийти, — пообещал директор, — если смогу выкроить время.

Попрощавшись с начальством, Матисон вернулся обратно в класс, чтобы вдабливать метафизические рассуждения Вордсворта в пустые головы своих учеников, а директор нанес визит школьному привратнику и попросил направить к нему в кабинет Дж. Х. Уильямса, как только тот закончит утренние занятия.

Войдя в старший класс за десять минут до окончания последнего урока, Уэллс, школьный привратник, услышал, что мистер Этеридж объясняет своим подопечным